

UNITED WISDOM

Переход без публичного обряда

Смысл и путь

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

P-12-N01 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Переход без публичного обряда

Эпиграф

> *«Никогда не объявляй себя философом».*

Эпиктет, Энхиридион XLVI, начальная фраза; собственный перевод United Wisdom с Thomas W. Higginson.

О чём эта статья

Некоторые перемены происходят без посвящения, собрания и торжественного объявления. Человек иначе определяет участие, замечает новый предел или перестаёт считать прежнее ожидание обязательным. Отсутствие публичного обряда не делает такое событие мнимым, но и не превращает внутреннее решение в автоматическое изменение общего порядка. Эта статья различает личный смысл, выражение перемены и признание положения. Матфей 6:1–6, Эпиктет XXXV и XLVI, а также выбранное рассуждение William James о центральных целях дают разные основания для этих вопросов; они не объединены в одну психологическую технологию. Вымышленная комната общих инструментов помогает рассмотреть обычные действия: назвать время, передать ключ, обсудить ожидание. Здесь нет требования скрывать трудность, отказываться от помощи или доказывать зрелость тишиной. Переход можно выражать соразмерно тому, что действительно меняется, оставляя личной истории право быть ещё незавершённой и не вполне понятной.

I. Событие, о котором никто не объявил

Представим человека, который несколько лет помогает в небольшой комнате общих инструментов. Это вымышленная ситуация, а не история наблюдаемого участника. Он знает, где лежат ключи, отвечает на вопросы, иногда остаётся после согласованного времени. Однажды, закрывая шкаф, он замечает, что перестал считать каждую просьбу своим автоматическим обязательством. Никакой церемонии не было. Он не сменил одежду, должность или имя. Другие ещё не знают об этом изменении. Перед нами пока только различие в том, как он собирается отвечать на следующий запрос, и это различие предстоит воплотить в отношениях.

Назвать этот момент переходом можно, если не требовать от слова больше, чем оно сейчас обозначает. Человек иначе определил предел своей готовности, но ещё не проверил, как будет действовать. Он не стал безусловно зрелее, мудрее или свободнее. Он мог ошибиться в оценке договорённостей. Можно уважать значение внутреннего

решения и одновременно оставлять его последствия открытыми. Такая осторожность не обесценивает событие. Она позволяет отличить замеченное изменение от рассказа, в котором всё уже завершилось благополучно, хотя ни одного нового разговора ещё не произошло и никто не согласился на иной порядок.

Отсутствие публичного обряда не означает отсутствия формы вообще. В примере форма может быть очень простой: записать часы работы, вернуть ключ в определённое место, заранее сообщить, кто ответит на оставшийся вопрос. Это не обязательно символы новой личности. Иногда перед нами обычные действия, через которые различие становится понятным другим. Их достаточность зависит от задачи. Если нужно передать вещь, ясная передача может оказаться важнее торжественного обещания. Если нужно обсудить доверие, одно расписание не заменит разговора. Тихий переход не требует одинаково тихого решения всех затронутых им вопросов.

Поэтому полезно различать три вещи: личное переживание изменения, его выражение и признание нового положения. Они могут встретиться в одном событии, а могут иметь разные сроки и адресатов. Человек сам замечает, что больше не хочет отвечать ночью; сообщение об этом может быть направлено одному собеседнику; изменение общей очереди дежурств требует договорённости группы. Ни один из этих уровней не становится ложным потому, что существует другой. Но перенос полномочий между ними создаёт путаницу: личная уверенность сама по себе не изменяет чужие ожидания, а признанная роль не доказывает определённого внутреннего чувства.

II. Быть увиденным и действовать перед кем-то

В Евангелии от Матфея 6:1–6 различие проходит через милостыню и молитву: действие ради человеческого зрителя сопоставлено с обращением к Отцу. Это определённый христианский контекст, а не общее правило о ненужности свидетелей. Для нашей темы важен вопрос адресата. Одно и то же видимое действие может быть рассказано как помощь человеку, получение признания или исполнение религиозного обязательства. Нельзя узнать весь его смысл по тому, сколько людей присутствовало. И нельзя вывести из выбранного текста, что любое публичное событие неискренне или что скрытое событие автоматически нравственно лучше.

В комнате инструментов человеку может хотеться, чтобы все заметили его новое отношение. Возможно, это желание связано с облегчением, возможно — с накопившейся усталостью от прежних ожиданий. Мы не обязаны угадывать причину. Важнее определить, что требуется следующему действию. Если он сообщает часы доступности, собеседнику нужна ясность о времени, а не убеждение в его глубоком преображении. Если он хочет поддержки, можно попросить о поддержке. Когда эти два разговора

соединяются незаметно, практическое сообщение становится испытанием: признал ли другой достаточно серьёзно, что перед ним теперь якобы иной человек.

Право не устраивать представление не отменяет права рассказать о важном. Иногда близкому человеку хочется объяснить, почему небольшая перемена имеет большой вес. Такой рассказ может быть точным, частичным, ещё неуверенным. Он не обязан походить на торжественную речь. Слушатель тоже может не сразу найти нужный отклик. Это различие между раскрытием и церемониальным признанием помогает оставить место разговору: один делится, другой спрашивает, оба уточняют, что сейчас требуется. Нельзя заранее требовать одинакового чувства от всех свидетелей, чтобы собственное событие наконец получило право считаться настоящим и достойным спокойного внимания.

При этом частность не является доказательством глубины. Можно скрывать пустое обещание, а можно публично и ответственно сообщить о реальном изменении. Присутствие зрителя и направленность действия — разные вопросы. В выбранном месте Матфея религиозное основание сохраняется; в нашем примере мы делаем собственное редакционное различение. Оно позволяет не превращать источник в лозунг о превосходстве незаметных людей. Переход без обряда может быть важным, а может быть ещё неясным. Его не нужно ни возвышать за отсутствие сцены, ни уменьшать за отсутствие громкого подтверждения, установленного знака или особого праздничного дня.

III. Когда новое отношение становится действием

Эпиктет в Энхиридионе XLVI, в переводе Thomas W. Higginson, противопоставляет объявление себя философом действиям, выражающим усвоенные принципы. Здесь речь о стоическом обучении, а не обо всех жизненных переходах. Но выбранный участок позволяет задать конкретный вопрос: что показывает перемену кроме нового названия? В комнате инструментов ответом может стать заранее обозначенный предел времени и выполненная передача. Само объявление о новом отношении не заменит этих действий. При этом они не доказывают безошибочность человека и не дают нам права установить, что он уже завершил некую обязательную ступень нравственного развития.

Сначала действие может казаться непривычным. Человек говорит, что сегодня уйдёт в согласованное время, и затем действительно уходит, оставив понятную запись о незавершённой задаче. На следующий день он обнаруживает, что не всё учёл. Возможно, место для ключа оказалось неудобным; возможно, предупреждение было слишком поздним. Эта обратная связь не отменяет его решения пересмотреть автоматическую доступность. Она показывает, как решение соприкасается с общей жизнью. Можно изменить способ передачи, сохранив предел; можно признать ошибку,

не возвращаясь к обещанию быть доступным всегда и не называя замечание нападением на всю новую личность.

Внешнее подтверждение здесь имеет ограниченную задачу. Другой человек может сказать, что сообщение понятно, что ключ получен или что новая очередь согласована. Это ценные сведения. Они не являются сертификатом внутреннего изменения. Если искать в каждом ответе именно такой сертификат, проверка действия превращается в оценку личности. Тогда простое замечание о времени может восприниматься как отказ признать важное событие. Более узкий вопрос часто бережнее: понятно ли, что будет происходить завтра? Он не исчерпывает смысла перехода, но позволяет не возлагать на рабочую договорённость обязанность объяснить всё переживание целиком и вынести ему окончательный вердикт.

Важно также не превратить действие в бесконечный экзамен. Один сбой не обязательно означает, что изменение было выдумано; один удачный ответ не обязательно означает, что оно завершено навсегда. Мы можем говорить о повторении, уточнении и непоследовательности обычными словами. Эти слова не ставят диагноз и не присваивают духовного звания. У человека остаётся возможность учиться, пересматривать решение или признать, что пока не знает, как его выполнить. Переход без публичного обряда не обязан стать невидимой церемонией постоянного доказательства, где каждый день требуется заново подтвердить своё право на новое отношение и невозможность ошибки.

IV. Изменение не всегда имеет одну дату

William James в лекции IX Многообразия религиозного опыта описывает перемену через то, какие цели становятся центральными для человека. Его язык принадлежит исторической психологии религии, а не современной диагностике. Выбранное рассуждение полезно здесь как вопрос о расположении интересов: важное прежде может отойти к краю, прежнее второстепенное — определять действие. Это не доказывает скрытый механизм любого перехода и не позволяет измерить его по одному чувству. Важнее, что дата объявления и история изменения могут различаться. Для личного события не обязательно придумывать единственный торжественный момент, после которого всё якобы стало совершенно другим.

В нашем примере внимание к собственному времени могло возникать постепенно. Сначала человек только замечал, что поздние сообщения мешают другим занятиям. Потом начинал отвечать утром. Позднее понял, что хочет назвать предел заранее. Мы не превращаем эту последовательность в обязательную модель. Кто-то замечает решение сразу; кто-то долго ищет слова; кто-то сначала меняет условия вместе с другими, а уже потом понимает значение произошедшего. Если нет публичного обряда, эти разные

сроки не требуется скрывать ради красивого рассказа. Можно сказать, что изменение началось раньше, чем получилось его описать, а некоторые последствия ещё остаются непонятными и открытыми.

Рассказ о точной дате иногда помогает помнить. Запись в календаре, короткое письмо себе, сохранённый предмет могут обозначить событие без собрания зрителей. Но они не обязаны утверждать больше, чем человек готов сказать. Дата может быть днём разговора, а не рождением нового характера. Предмет может напоминать о вопросе, а не служить доказательством завершённой трансформации. Так личный знак остаётся средством внимания. Он не превращается в долг ежедневно испытывать то же чувство, держаться первоначального толкования или скрывать последующее сомнение, чтобы не разрушить однажды выбранную важную историю о себе и своём будущем.

У Джеймса в том же принятом участке сохраняется предел объяснения отдельных причин. В нашем чтении этот предел препятствует уверенной расшифровке чужого события. Даже если человек нашёл подходящее название, оно не сообщает всех сил, которые действовали в его жизни. Отсюда не следует, что объяснение бесполезно. Следует лишь осторожнее различать собственный рассказ, наблюдаемое действие и предположение о причине. Можно слушать историю перехода без требования окончательной теории. Можно не знать, почему решение созрело именно сейчас, и всё же достаточно ясно понимать, какое действие человек предлагает обсудить и какие условия ему нужны на ближайшее время.

V. Частность, молчание и необходимая помощь

Частное событие не обязательно секрет. Можно не приглашать зрителей и при этом не скрывать значимую информацию от тех, кто зависит от договорённости. Можно хранить личный смысл, сообщив практическое следствие. В комнате инструментов человеку не требуется объяснять всю историю своего отношения к просьбам, чтобы назвать время ухода. Но если он обещал передать ключ, это обещание нельзя отменить одним внутренним решением. Мысль о тихом переходе становится точнее, когда в ней остаётся место и для защищённой личной области, и для конкретного ответа другому человеку, имеющему основания рассчитывать на определённое действие.

Не следует также требовать молчания как доказательства внутренней силы. У человека может быть потребность говорить, просить совета, получать профессиональную или обычную практическую помощь. В этой статье отсутствие обряда означает отсутствие обязательного публичного представления, а не отказ от поддержки. Особенно важно не использовать религиозный образ закрытой двери для сокрытия причинённого вреда, угрозы или ситуации, в которой нужна защита. Мы не выводим такого требования из Матфея. Нельзя превращать выбранный текст о молитве в приказ терпеть происходящее

в одиночестве, скрывать опасность или считать обращение за помощью недостатком веры, зрелости и самостоятельности.

Разговор с одним доверенным человеком иногда достаточен для того, что хочется разделить. Иногда достаточного собеседника пока нет. Тогда отсутствие свидетеля не доказывает, что событие не произошло, но и не гарантирует, что все последствия безопасны и понятны. Лучше сохранять оба различия. Личный смысл не требует голосования, а решение, затрагивающее других, требует подходящего способа согласования. Эти способы могут быть разными: короткое сообщение, встреча, письменная передача, вопрос о доступных условиях. Их выбирают по действительной ситуации, а не по соревнованию между двумя идеалами — всегда всё показывать или никогда никого не впускать в происходящее.

Искренность при этом не требует полной прозрачности. Человек может честно сказать, что не готов обсуждать причины, но готов объяснить предлагаемое изменение расписания. Другой может честно сказать, что расписание нужно согласовать, хотя он не вправе требовать всю личную историю. Такой разговор сохраняет пределы с обеих сторон. Он не обязательно будет лёгким или завершится желаемым согласием. Но в нём меньше незаявленных условий: поддержка не покупается исповедью, а частность не используется как освобождение от всякого ответа. Переход остаётся личным по своему смыслу и совместным там, где действительно меняется порядок общей деятельности.

VI. Личное решение и положение в общей жизни

Если человек внутренне перестал считать себя хранителем комнаты инструментов, это ещё не передало ключи другому и не изменило общую ответственность. Здесь различие между смыслом и положением особенно заметно. Можно пережить завершение роли раньше её согласованного окончания. Можно закончить обязанности раньше, чем чувство завершения появится. Статья не устанавливает правил конкретного учреждения и не заменяет юридического совета. Она лишь помогает не выдавать личную определённость за автоматическую перемену общего порядка. Если затронуты формальные обязанности, условия узнают в соответствующем месте; красивый рассказ о новом этапе не становится документом, согласием или освобождением от передачи дел.

Это не означает, что личное переживание должно получить разрешение учреждения. Разрешение может требоваться для конкретного действия, а не для того, чтобы человек иначе понимал свою жизнь. Можно разделить эти вопросы в одном разговоре. Я хочу пересмотреть участие; давайте выясним сроки, вещи и незавершённые задачи. Такой язык не делает другого судёй внутреннего события. Он признаёт, что действие происходит среди других людей и предметов. Когда различие удерживается, несогласие

о порядке передачи не обязательно превращается в спор о том, имеет ли человек право вообще чувствовать перемену и использовать собственные слова для её описания.

Публичный обряд в определённой общине может иметь собственное значение и условия. Наша тема не отменяет их и не утверждает, что частное решение всегда выполняет ту же функцию. Человек вправе не считать свою обычную перемену религиозной инициацией; из этого не следует, что он уже получил признание, для которого община предусматривает иной порядок. Возможность перехода без обряда не равна подмене обряда. Иногда важно именно сохранить разные названия: личное решение, окончание договорённости, посвящение, возвращение, начало нового занятия. Их несходство позволяет уважать и личную историю, и конкретную принадлежность события, не присваивая себе чужого признания.

В вымышленной комнате инструментов новая договорённость может быть совсем небольшой. Человек продолжает помогать по одному дню, но больше не хранит единственный комплект ключей. Для него это заметный переход; для посетителя — лишь новый способ доступа. Никому не требуется выбирать одно истинное описание и отменять остальные. Личный вес события и его место в общем расписании могут различаться. Признать такое различие значит освободить событие от обязанности быть одинаково большим для каждого. Это не холодность по отношению к человеку, а возможность ответить соразмерно: понять порядок, увидеть важность рассказа, не обещая знать весь его внутренний масштаб.

VII. Свидетельство без экзамена на глубину

Свидетель может помочь, не подтверждая окончательного преображения. Он может помнить прежние условия, услышать новые слова, задать вопрос о следующем шаге. Такой отклик не обязан иметь форму посвящения. Если человек говорит, что теперь будет отвечать только в определённые часы, достаточно сначала понять сами часы. Если он добавляет, что решение далось трудно, можно услышать трудность. Разделение этих ответов позволяет не требовать от собеседника невозможного: удостоверить состояние души, предсказать устойчивость решения и гарантировать дальнейший успех. Обычный разговор способен быть внимательным, даже когда не становится церемонией признания, оценкой зрелости или окончательным свидетельством завершения всего прежнего.

Другая крайность — считать любое желание свидетеля зависимостью и слабостью. Это столь же поспешный вывод. Человек может хотеть разделить радость, тревогу или облегчение, не передавая другому право решать за него. Можно попросить, чтобы кто-то присутствовал при передаче ключей, потому что это помогает ясности. Можно позвонить после разговора, потому что хочется побыть не одному. Эти действия не превращают

частный переход в спектакль. Важнее, какие полномочия получают участники: слушать, уточнять, помогать с конкретной задачей или выносить обязательный вердикт о новой личности. Чем точнее названа роль, тем меньше приходится угадывать невысказанное требование.

Невозможно заранее установить единственный достаточный отклик. Для одного события нужна подпись, для другого — согласованное время, для третьего — возможность рассказать без немедленного толкования. Человек может сам не знать, чего хочет, и уточнить это в разговоре. Такое незнание не является провалом. Оно может быть обычной частью события, которое ещё только получает выражение. Вместо требования прочитать весь смысл по интонации можно оставить возможность вопроса. Что сейчас стоит услышать? Что нужно решить? Что пока не требуется оценивать? Эти вопросы сохраняют уважение без предположения, что другой уже умеет видеть все незаметные переходы и распознавать их без ошибки.

Выбранный Эпиктет XXXV также не требует прятать всякое действие от взгляда других. Это важная граница нашего сопоставления с XLVI. Не объявлять себя философом и бояться быть увиденным — разные вещи. В современной ситуации можно открыто выполнять новую договорённость, не устраивая представления о собственной глубине. Можно быть заметным, не превращая заметность в цель. Это различие удерживает тихий переход от превращения в культ невидимости. При этом стоический текст не даёт нашей сцене готового этического разрешения: правильность конкретного действия остаётся вопросом его оснований и последствий, а не одной выбранной цитаты или уверенности рассказчика в важности события.

VIII. Продолжать, не закрепляя новую личность

Когда порядок в комнате инструментов изменился, жизнь не превратилась в окончательную версию. Человек всё ещё может задержаться по собственному выбору, не возвращаясь к автоматической доступности. Может обнаружить, что новый предел слишком жёсток или слишком расплывчат. Может захотеть иного участия через месяц. Мы не обязаны объяснять каждое уточнение предательством важного события. Личное решение допускает продолжение, в котором есть новые сведения и другие люди. Отсутствие публичного обряда иногда облегчает такое уточнение, но не гарантирует его. И торжественно обозначенное событие может быть понято гибко, если участники не требуют от знака окончательно остановить всю дальнейшую историю.

Новый рассказ о себе становится тяжёлым, если запрещает обычные изменения. Человек решил меньше брать на себя и теперь боится любой помощи: вдруг окружающие решат, что он снова прежний. Тогда обозначение перехода начинает распоряжаться действием вместо того, чтобы помогать его понять. Более точное

описание сохраняет объект: пересмотрено определённое ожидание, изменена конкретная обязанность, появилась возможность отказаться от некоторых просьб. Отсюда не следует запрет помогать вообще. Можно не возвращаться к старому порядку и при этом не строить новую личность вокруг постоянного доказательства несходства с собой вчерашним, знакомыми или их возможными мнениями.

Возможность назвать переход обычными словами особенно важна, когда он не ощущается возвышенным. Иногда остаётся усталость, иногда неловкость, иногда ничего похожего на праздничное чувство. Статья не предлагает считать такие состояния признаками успеха или неудачи. Она не устанавливает обязательного эмоционального сопровождения. Можно описать то, что известно: разговор состоялся, срок назван, вещь передана, внимание изменилось. Остальное вправе оставаться неясным. Это не означает отказа от личного смысла. Напротив, смыслу оставлено пространство, в котором он не должен немедленно доказать свою ценность через яркость чувства, эффектный образ или убедительную историю, одинаковую для любого слушателя.

Переход без публичного обряда поэтому не является отдельной высшей ступенью. Это одна возможность описания события, где личное изменение не нуждается в обязательном общем представлении. Она сохраняет место свидетелям, религиозным формам, формальным условиям и помощи, если они действительно принадлежат ситуации. В нашем примере достаточно отличить новое отношение к доступности от способа передать ключи и от желания рассказать о важном. Такой переход может продолжаться незаметно, выражаться разговором или позднее получить знак. Его достоинство не определяется количеством зрителей. Но отсутствие зрителей также не освобождает от внимания к другим, точности обещаний и права пересматривать собственное объяснение.

Что это значит на практике

Можно сначала назвать один предмет изменения, не всю новую личность. В вымышленном примере это доступность после согласованного времени. Затем отделить личный смысл от того, что следует сообщить другим: время ответа, место ключа, незавершённую задачу. Это предложение для размышления, а не универсальная процедура перехода.

Если хочется свидетеля, можно уточнить его роль. Нужен ли слушатель, помощь с передачей, обсуждение условий или просто компания после трудного разговора? Не требуется превращать любую поддержку в посвящение, а отсутствие церемонии — в обязанность быть одному. Можно оставить личные причины частными, не скрывая практических последствий.

Перед действием стоит различить личное решение и действующие договорённости. Вопросы формальных обязанностей выясняются в соответствующем месте; статья не меняет их. Опасность, вред и потребность в защите не становятся тайной ради красивого образа тихого изменения. Обращение за подходящей помощью совместимо с частностью события.

После можно заметить, что действительно произошло, и что пока неизвестно. Ясная передача не доказывает полного преображения; неловкость не доказывает его отсутствия. Остаётся возможность уточнить порядок, пересмотреть слова или позднее выбрать знак. Ни один из этих шагов не требует обязательного роста, одинакового чувства у всех участников или окончательного рассказа о себе.

Ключевая цитата

> *«когда ты закрыл свою дверь»*

Матфей 6:6, фрагмент молитвенного наставления; собственный перевод United Wisdom с King James Version.

Связи между традициями

1. **Кому адресовано действие: Матфей 6:1–6; Эпиктет XLVI, 300–302.** Молитвенное обращение и философское действие противопоставлены стремлению выглядеть определённым образом перед людьми. Общий вопрос касается адресата, а не числа присутствующих. Сопоставление отделяет содержание действия от его предъявления; для темы это позволяет рассматривать тихое изменение без автоматического превосходства частного. Граница: отношение к Отцу не равно стоическому обучению; оба текста не устанавливают общего запрета на публичные обряды и не удостоверяют искренность скрытого действия.

2. **Изменение цели и выражение принципа: James IX, 1216–1227; Эпиктет XLVI, 300–302.** У Джеймса центральность цели отличается от её периферийного присутствия; у Эпиктета принцип отличается от одного объявления. Общий вопрос — какое различие участвует в действии. Механизм сравнения удерживает новое название рядом с практическим выражением, помогая не выдавать объявление за завершённый переход. Граница: историческое описание религиозной перемены не является стоическим предписанием, диагнозом или доказательством причины конкретного современного решения.

3. **Частное действие и предел объяснения: Матфей 6:6; James IX, 1228–1231.** Закрытая дверь в молитвенном наставлении задаёт определённый адресат; ограниченность объяснения у Джеймса оставляет неизвестными отдельные причины изменения. Общий

вопрос — что зритель не получает вместе с видимостью события. Сравнение разделяет религиозную направленность и исследовательское знание; для статьи это сохраняет возможность частного смысла без уверенного чтения чужой души. Граница: Бог не сводится к наблюдателю-психологу, незнание причин не подтверждает богословие, а частность не оправдывает сокрытие вреда или отказ от помощи.

4. **Видимость без обязательного представления: Эпиктет XXXV, 267 и XLVI, 300–302; Матфей 6:1–6.** Стоическое различие между действием и объявлением не требует бояться всякой видимости; евангельское различие касается действия ради человеческого зрителя. Общий вопрос — равны ли присутствие свидетеля и цель впечатлить его. Механизм сравнения развязывает эти признаки, позволяя в теме перехода открыто договориться о практическом следствии без спектакля новой личности. Граница: оценка правильности у Эпиктета и христианская молитва имеют разные основания; сравнение не даёт готового разрешения любому публичному или скрытому поступку.

5. **Описание и требование: James IX, 1180–1181 и 1228–1231; Эпиктет XLVI, 300–302.** Джеймс описывает религиозный процесс и предел объяснения причин; Эпиктет наставляет ученика в выражении принципов. Общий вопрос — что вправе утверждать язык перехода. Механизм удерживает наблюдение отдельно от предписания: в статье отсутствие обряда не становится обязанностью молчать, а действие не превращается в экзамен на обязательный рост. Граница: описательная историческая психология не устанавливает современную норму здоровья, стоическое наставление не представляет все традиции, и ни один источник не гарантирует исход нашего вымышленного примера.

Первоисточники

Приняты только перечисленные участки. Матфей прочитан в King James Version, Эпиктет — в названном переводе Higginson; обе русские цитаты являются собственными переводами United Wisdom с этих английских текстов. James прочитан в оригинальном английском. Древние оригиналы не сличались. Христианское обращение, стоическое обучение и историческое описание религиозного процесса сохраняют разные основания. Опыт вымышленного участника не выдаётся за наблюдение.

• Матфей 6:1–6, King James Version; все шесть стихов выбранного участка, BibleGateway.

• Эпиктет. Энхиридион XXXV и XLVI, Thomas W. Higginson; выбранные полные главы, Project Gutenberg 45109.

• William James. Многообразие религиозного опыта, лекция IX; определение 1180–1181 и анализ 1212–1231, оригинальный английский, печать 1917, Project Gutenberg 621.

Теги

переход, частность, личное изменение, обряд, публичность, свидетель, признание, участие, ответственность, договорённость, внимание, действие, принцип, Эпиктет, Матфей, William James, молитва, стоицизм, цель, выражение, разговор, помощь, предел, время, передача, роль, незавершённость, обещание, видимость, самостоятельность

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.